

Национальная философия: опыт размышлений Г.Г. Шпета

Пенионжек Е.В.

История национальной философии всегда имеет не только свою историческую протяженность во времени, но и научное осмысление как запись истории философии. Такой истории истории философии, или историографии [Емельянов Б.В., Любутин К.Н. Вступ. ст. // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. С. 3] были посвящены многие работы русских философов. Историко-философская оценка высказывалась для истории русской философии с XIX века. «Первой такой работой справедливо считается шестая часть «Истории философии» архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского), носящая название «Русская философия» [Там же. С. 4], - указывается в статье «Русская философия на путях самопознания: страницы истории» Б.В. Емельяновым и К.Н. Любутиным.

Архимандрит Гавриил считал, что историческим видением философии является история опытного сознания. Так философия сочетает в себе религию и философию, которые сосуществуют, не образуя что-то еще. История философии – это развитие познавательных возможностей человека. Это развитие должно быть представлено как целостное, но выстроенное по хронологическому принципу появления идей, а также, их взаимозависимости. Целостным такое развитие становится, так как история философии – это постепенное раскрытие идей. Национальной особенностью русской философии он называет распределенную на нее долю божьей благодати, выражаемую в сочетании «веры и знания, рассудочности и набожности» [Там же. С. 6].

Архимандрит Гавриил в XIX веке «... впервые в отечественной историографии попытался начать отсчет русской философии... с XI – XII веков» [Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X – XVII веков. М., 1990. С. 6]. Русская Средневековая философская мысль имела, согласно его оценке, практический характер, выражала идеи художественным способом, потому что русский народ привлекала живая образная словесность, значит, русскими создана своя особая философия, так или иначе сходная с научными воззрениями.

В дальнейшем работы по истории русской философии начали появляться в виде очерков как «приложений к переводным монографиям по истории западно-европейской философии» [Емельянов Б.В., Любутин К.Н. Вступ. ст. // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. С. 7]. Информационный очерк Я.Н. Колубовского утверждал, что русская философия не оригинальна. В этом утверждении сказывался его метод поиска повторения западно-европейских учений русской философской мыслью.

Аналитический очерк В.В. Чуйко конца XIX века еще четче говорит о заимствованном характере русской философии. Более того, в это время появляются попытки доказать, что в России нет философии. Однако А.И. Введенский разрушил это утверждение, говоря о том, что русская философия рождается из потребности быть такой, как она есть. Он находит три периода в развитии философии в России. Первый период был подготовительным, после которого следовало доминирование немецкого идеализма в мыслях русских философов. Период с 1863 года Введенский называет третьим периодом, где философия станет самобытной. Любая философия, по Введенскому, заимствует и перерабатывает чужие учения – именно в этом кроется путь самобытного развития философии.

М.П. Погодин, также в XIX веке, последователь архимандрита Гавриила, говорил о самобытной русской философии, которая сложилась, по его мнению, в результате общинного быта народов России. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов начинали научную и публичную деятельность с изучения русской Средневековой мысли. Чернышевским был составлен «Опыт словаря из Ипатьевской летописи» в 1851 году, под руководством И.И. Срезневского, уделявшего внимание лексикографии в целом. Добролюбов написал сочинение «О древнеславянском переводе хроники Георгия Амартола».

В конце XIX века весьма значительными стали исследования М.В. Безобразовой в архивах Москвы, Киева, Сергиева Посада в виде найденных текстов философского содержания. Безобразова публиковала результаты своих поисков в Журнале Министерства Народного Просвещения. Защитив диссертацию на тему «Рукописные материалы к истории философии в России», Безобразова призывала исследовать бытование философских терминов в Российской философии.

Э.Л. Радлов в начале XX века разделяет русскую философскую мысль в связи с двумя направлениями в ней. Одно выражает национальное мышление, свойственное всему русскому народу, а другое стремится не выделяться из мирового течения философии. Радлов называл русскую Средневековую философию подготовительным этапом для истории русской философии, в которой проявлялись основные черты, характерные для русского мировидения.

В начале же XX века появляется «История русской общественной мысли» Р.И. Иванова-Разумника, где история отечественной философии видится им как «история борьбы за индивидуализм», которым выражала социальные изменения в России общественная жизнь. Различные системы, появляющиеся без всякой взаимосвязи друг с другом, описываются как история русской философии в очерках М.М. Филиппова.

Диалектико-материалистические методологические позиции производят в исследовании по истории русской философии Г.В. Плеханова мысль о том, что русская философия является только частью общественной мысли в целом. Свое исследование автор не завершил, но осуществил огромную работу по анализу

взаимовлияния социально-политического, экономического, философского, религиозного, этического мышления.

В 1922 году появляется первая часть «Очерка развития русской философии» Г.Г. Шпета. Он утверждает, что русская философия – это лишь философствование, так как общественное сознание еще не имеет философского сознания. И, тем не менее, Шпет отмечает тот факт, что русская философия растет, возможно, вопреки причине своего развития, вопреки общественному сознанию. Шпет называет движущие силы, присущие русской философии, благодаря которым она, претерпевая давление со стороны государства и церкви, не становится общественным сознанием, но постоянно изменяется. В изменении русской философской мысли видит Шпет ее успешное развитие. Вторая и третья части этой работы Густава Густавовича не сохранились, и нам остается лишь предполагать возможные выводы самого ученого.

Мы видим, что в России профессиональная философия появилась лишь в XIX веке, однако, предыдущие столетия также были способны к философствованию. Характер этого философствования раскрывается посредством не стремления к чисто интеллектуальной систематизации взглядов, а через внутреннее, интуитивное, даже мистическое познание сущего. Русская философия оформляется в русле публицистики, художественной литературы.

Философия, по Шпету, призвана очеловечить мир, ввести «языческий принцип отрицания – принцип человечности» [*Шпет Г.Г. Философские этюды*. М.: Прогресс, 1994. С. 332] – чем является абсолютная свобода в выборе, в творчестве, преобразовании и преодолении чего-то, казавшегося ему идеальным. Все это возможно не посредством ухода из общества, а только в пребывании в обществе, в реальном осуществлении человека в обществе. Философ должен освободиться от псевдотеоретических положений, сделавшись свободным, он «должен будет затратить еще больше сил и творчества на «искусство жизни» [Там же. С. 333], не умирания, а возвеличивания своей души, ее преображения. Философия, в таком случае, - это страстное, страдательное, увлечение человечностью.

Национальная философия определяется в постановке вопросов. Введение оценки в контекст – народный, временной – рождает путь объяснения национальной философии. Именно таким образом национальная философия также становится в ряд с философией как знанием в философии в целом. Наука философии порождается историческим отношением человека к природе и обществу, и человеку как части общества. Через изучение истории открываются интерпретированные природа и общество, человек. Затем появляется осознание понимания сил, движущих человека, мировоззрения человека, т.е. к его мышлению. Это уже является философией как знанием.

Следующим вопросом Г.Г. Шпета является вопрос о том, может ли философское сознание быть общественным сознанием. Он убежден, что европейской культурой обретено философское сознание, однако, на наш взгляд,

не доказывает этого факта. На материале истории русской философии Г.Г. Шпет видит развитие философии как науки, философии как чистого знания, в «Очерке развития русской философии».

Г.Г. Шпет отмечает, что русская средневековая мысль являлась литературной деятельностью и называлась книжностью. Образованности и философской науки в России ни до образования Московского государства, ни после не было. Первой школой Шпет называет возникшую в XVII веке Киево-Могилянскую академию, организация которой была устроена по западному образцу. В этом учебном заведении старались сохранить научность философской мысли, которая, по сути, являлась служанкой богословия. Позднее в Славяно-Греко-Латинской академии, упоминает Шпет, «возникла специальная богословская наука, интересная для немногих» [*Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 28*].

Густав Густавович Шпет задал вопрос, чем является русская философия: наукой или мировоззрением. История русской философии виделась Шпетом как попытка решения определенных проблем. Была ли русская философия наукой? Шпет утверждает, что настоящая философия – это наука, строящаяся на строгих основаниях. Российская философия, по Шпету, не является таковой. История русской философии рассматривалась как самим Г.Г. Шпетом, так и другими мыслителями. В целях самопознания были найдены философские темы. Если Г.Г. Шпет говорит о русской философии как о донаучном знании, то, как же можно браться за написание очерков, повествующих об истории отечественной философской мысли? Русская философия как наука может существовать посредством особых категорий, выраженных темами: история и человек.

Г.Г. Шпет пишет, что слово не вошло в сознание русского народа, философия не была почерпнута из эллинских и римских источников. Только немецкие переводы с начала XVIII века прививают, по Шпету, российской культуре дух слова. Тем не менее, общество не относилось положительно к науке.* И только в Московском университете философия становится преподаваемой дисциплиной высшей школы, то есть вводится в общественное сознание путем преподавания в учебном заведении.

«Невежество – какая-то историческая константа в развитии русского творчества и в самоопределении его путей» [Там же. С. 49]. Русская философия росла вопреки невежеству и утилитаризму в отношении к знанию и свободному творчеству. Русская философия, считает Шпет, произрастала на почве невегласия [Там же] как что-то непризнанное, ненужное. Шпет отмечает, что русские могут овладеть философским сознанием: русская художественная литература свидетельствует о живых творческих силах, русское искусство – о чутье, история русской науки – о способности к научному аскетизму,

* Может быть, как раз потому, что немецкое слово являлось чуждым русской мысли, которая уже была зрелой, но не строго оформленной, затаившейся глубоко в сознании русского книжника – литератора, как полагает Шпет?

самопожертвованию. Но мешает этому восприятие философии в смысле практической жизни. Даже философия как метафизика вызывает желание практического разрешения вопроса о спасении души, оправдания мира. Утилитаризм в отношении к знанию и свободному творчеству необходимо должен исчезнуть с развитием культуры и духа, считает Шпет – что является преодолением невегласия, которое ни в коем случае нельзя возводить в признак национального характера. И русская интеллигенция должна над-утилитарно понимать творчество, из индивидуального не делать отвлеченное, так как если нет осознания своей национальной индивидуальности, творчество невозможно, возможно лишь заимствование, «просвещение».

История русской философии – это история донаучной философской мысли, продолжает Г.Г. Шпет. История философии должна заниматься самопознанием как философии свободной, чистой, философии-знания, философии как искусства. Самопознание как «восприятие идеи и ее движения в русской мысли не-чисто, до-научно, примитивно, не-софийно, не мастерское» [Там же. С. 57], так как русская философия считает, что вне ее опыта нет идеи. Русская философия подчиняет знание переживанию – это философствование на обыденные темы. Потому русская философия раскрывается в окружении вопроса и в окружении его раскрытия.

Шпет указывает, что морализм русской философии стесняет ее движение, но именно посредством этого морализма историософия становится основной темой для русской философии. Указывая на утопичность философии, Шпет говорит, что «Россия – не просто в будущем, но в будущем вселенском. Задачи ее – всемирные, и она сама для себя – мировая задача» [Там же. С. 53]. Тем самым Шпет подчеркивает, что русская мысль наполняет «иррациональную пустоту «неизреченного» [Там же. С. 54].

Вероятно, этим заполнением Г.Г. Шпет может назвать догматическое богословие. Среди заимствованных памятников Древней Руси он называет переводное сочинение «Диоптра» Филиппа Пустынника, трактуя его как не имеющий философского значения текст, усвоенный в качестве руководства. Как о выраженном собственной философской литературой для русского Средневековья, Шпет упоминает, о споре новгородского архиепископа Василия и тверского епископа Федора о различении рая земного и мысленного как сочинений XIV века. Литература, направленная против еретичества, призванная укрепить догматическое богословие, нуждается, согласно Шпету, в философской аргументации. При понимании исторического сознания в Средневековой Руси историко-философская интерпретация осуществляет положение о сохранении сотворенного, как разъясняет Г.Г. Шпет: «Ничто из сотворенного Богом погибнуть не может, пока не настанут новое небо и новая земля» [Там же. С. 59]. Также Шпет упоминает «Просветитель» Иосифа Волоколамского и «Истину показания» Зиновия Отенского в качестве произведений, имеющих метафизический характер. И, тем не менее, по Шпету,

догматическое богословие в России не имело специального философского и исторического знания для усвоения философско-богословской терминологии.

Появление в XVII веке философии в качестве преподаваемой в училище киевского митрополита Петра Могилы Шпет называет введением философии в группу схоластических дисциплин. Однако духовно-академическая философия была зависима и не свободна. Философское творчество становится чем-то вроде учебного пособия. Такие руководства в виде разъяснений составлялись в XVII веке, и «это еще не философия, это лишь школьное хождение вокруг да около философии» [Там же. С. 63]. Философия, в этом случае, занимает место вспомогательного средства для богословия, но примиряет «с мыслью о пользе науки» [Там же. С. 65]. Уже и в Московской академии, где, к сожалению, подражали не ярчайшим представителям философского знания, а лишь популяризаторам, опять же утилитарно относящимся к науке. Московский университет, по мнению Шпета, не был задуман как источник знания для российского общества, ни исключительно в целях подготовки кадров для государственных учреждений.*

Философией Г.Г. Шпет называет любовь к мудрости как свободному мастерству мысли, ее источником и задачей – самопознание. Перечисляя различные имена, относящиеся к русской философской науке, Шпет анализирует уровень философского сознания.

Кн. Щербатов, по Шпету, говорит, что философия должна исправлять нравы, преследует моральную цель. Шпет пишет, что Радищев хотел о будущем знать в настоящем, говорил о трех типах интеллигенции. Учение Г.С. Сковороды является, по Шпету, общим уровнем представлений о философии. Он моралист и пытается искать путь к счастью как путь к новому божественному миру, как это предопределено Богом для человека. В самопознании человек видит в себе истину и озаренный ею понимает историческую изменчивость целого мира, раскрывает за тьмой свет. Несмотря на такие глубокие мысли, конкретные фигуры философов не обладали даром заставить преодолеть народное невежество и научить философски мыслить. Правительство в XIX веке пыталось «просветить» народ, но это «просвещение» отрицало народ, являясь нигилистическим по отношению к народности. Западники и славянофилы своей борьбой «позабыли» о культуре, что является признаком становления мышления. Цензура правительства, с одной стороны, и «революционная» пригодность, с другой, не давали философии полноценно развиваться. История философии может быть изучена посредством русской литературы.

О.М. Новицкий говорит о философии как науке обо всем. Философия, по его мнению, касается исключительно общих форм и законов бытия. Форма несоизмеримости продуцирует созерцание идеи вселенной, форма вечности –

* Хотя необходимо признать, что знание все же воплотилось в такой гениальной личности, как М.М. Ломоносов, к сожалению, не создавшим философской школы.

идеи души, а форма бесконечности – идеи Бога. Шпет указывает на то, что мысль Новицкого была проникнута историзмом.

Все мыслители русской философии решают проблемы своей культуры через историю, следовательно, посредством исторического метода. А ход исторических событий задает движение философии. Рассуждая о взглядах С.С. Гогоцкого, Шпет утверждает, что историзм этого мыслителя способствует его критике. Например, средневековую философию Гогоцкий оценивает как входящую в состав истории философии вообще и сравнивает средневековую философию с культурой Средневековья в целом. «Каждая эпоха философии, - думает Гогоцкий, - характеризуется отношением, в которое ставит себя мыслящий дух к бытию» [Там же. С. 217]. В размышлениях Гогоцкого интересна периодизация философии. Он утверждает, что древнегреческая философия несознательно признавала гармонию между мышлением и его предметом. Христианство разрушает такое представление о гармонии, направляет к религиозному авторитету. Новая философия пытается примирить мирозерцание и природу. Средневековая философия – это начало Новой философии. В Средние века самостоятельный акт мышления познающего духа к своему предмету отрицается. Мышлению не хватало непосредственной гармонии природы и духа. «Эта философия осталась вне сознания» [Там же. С. 218]. Путь к познанию истины не был найден средневековой философией. Будучи лишь служанкой богословия средневековая философия стала чем-то для себя беспредметным, в котором не было философского содержания, формы и метода, не было философских вопросов, не было развития, внутреннего и самостоятельного движения. Шпет отмечает методичность в исследованиях Гогоцкого (использование исторического метода), связавшего философию с университетской наукой.

По Максимовичу, любые науки могут быть философскими и быть историей философии. Философия должна быть исторической. Все, что познается, необходимо становится предметом философии. Но философия, по Шпету – это направленность мысль на мысль. А Максимович не видит системности для философии, философия решает проблему бытия, познавая все, сближая опыт с умозрением.

Историчность в мышлении прослеживается Г.Г. Шпетом в работах М.Л. Магницкого, который утверждает, что разум – это идол Нового времени. А философия призвана стать «богословием» разума. Россия, выполняя план «Провидения» - Иисуса Христа, не поддается движению истории, которая управляется «политикой мира сего». В таком случае, разум в России ничтожен по сравнению с верой, согласно положениям Магницкого, который «требовал», чтобы основанием философии стали Послания апостола Павла.

Г.Г. Шпет замечает, что «философия живет и движется противоречием» [Там же. С. 249], тогда она не может быть общественно-полезной, философия позволяет только развить сознание до осмысления абстрактного. По Шпету, в России общественное сознание сталкивалось не с подлинно философским

сознанием, если философией считалась такая, которая «отстаивает само государство» [Там же], обосновать политику государства, как это замыслил С.С. Уваров. Также он утверждал, что общественное образование в университетах должно через самопознание русской словесности «разливать благотворный свет современной науки, немеркнувший в веках и народах» [Там же. С. 249]. Философия не может служить государственным целям, она должна быть свободной, поэтому она оставалась в духовных школах или переродилась в литературную философию. Именно в это самое время, сообщает Г.Г. Шпет, когда Уваров старался показать, как «полезна» философия, было сформулировано Ширинским-Шихматовым: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [Там же. С. 260]. Преемник Уварова, Ширинский-Шихматов, следуя заветам своего старшего коллеги, считает Шпет, отменил преподавание философии в университетах в 1950 году, сделав «государственное дело».

Заканчивая перечисление теоретических положений тех или иных профессоров российских университетов в первой части «Очерка развития русской философии» Г.Г. Шпет переходит к выводам. Он говорит, что исторический метод (например, такой, как у Гогоцкого) был неизбежным методом для русской философии. Самосознанием и самопознанием отечественной философии является историческое сознание и историческое познание. Духовная философия в России видела основную национальную проблему России как вопрос о соотношении веры и знания. В чем состоит польза такой национальной философии, которая является практической, так как определив место человека в мире, характеризует это место как тип русской жизни, а это означает, в условиях общества и Церкви. Практическая философия, по Шпету, незрелая философия. Шпет сомневается в том, что философия, установленная Церковью, будет определять гармоничное бытие мира и будет ли такая философия наукой.

Русские мыслители, по мнению Г.Г. Шпета, учась из истории, не осознают, что отечественным науковедением и методом является историчность. Россия не изучает философию в ее вековом развитии, в России философствуют, не осмысляя свою задачу философски.

Говоря об истории русской философии, представленной в работе архимандрита Гавриила, Шпет сообщает об определении русского характера по отношению к философии: «Рационализм, соображаемый с опытом, поверять через откровение» [Там же. С. 271]. Русская философия, архимандриту Гавриилу, завершается понятием о Боге, доступным исключительно великому народу. Шпет называет аргументы архимандрита Гавриила оригинальными и только.

Российское государство воплотилось в самодержавии, имея верного исторического спутника в лице православия, сообщает Фишер. Однако Г.Г. Шпет заключает, что для философского сознания необходим принцип как направление в истории, а не только констатирование исторического факта.

Прикладной философией является, по Шпету, приспособление факта к принципу. Принципов полезной философии не бывает в истинной философии, отмечает Шпет.

Г.Г. Шпет задается вопросом: кто является представителем науки и философии, профессора или слушатели публичных чтений, или журналистика, использовавшая понятия европейской философии и побуждавшая публику в них вникать. Не было, констатирует Шпет, философских школ в России, а именно: последовательного развития и углубленных принципов путем приложения их к решению чистых философских проблем и конструирования системы. Поэтому Шпет констатирует неясность вопроса о том, кто представляет оригинальную философскую мысль в России: новаторы или популяризаторы философских идей.

Рефлектирующий взор мысли в России не был направлением в философии, но присутствовал в литературе, утверждает Шпет. Пусть даже первоначально это был «европейский романтизм, пересаженный на русскую почву» [Там же. С. 316], он достиг степени самосознания. Русская культура боролась за бытие русского духа в истории, также как боролась и против него, так говорит об этом Г.Г. Шпет.

Человеческий дух, выражающийся словом, проявляется в истории и через нее, так как история – это след внутренней жизни народа. Бытоописательная история рассматривается эмпирически. Если история рассматривается философски, тогда история идеальна, история есть откровение Бога и творение Провидения. Сочетая идеальное и действительное, история основывается через искусство, где реальные события настолько совершенно представляются, что «делаются выражением высшей идеи. История как знание благодаря этому переселяется в высшую область идеального через искусство и поэзию» [Там же. С. 334]. Философию и историю связывает мифология. Г.Г. Шпет считает, Кронеберг был единственным, чей целью было через «философию словесности – открыть законы мысли в слове и через это – застигнуть дух в самом творчестве» [Там же. С. 337].

Как же философское сознание может стать общественным в соборном отношении, соборном в его сущности и в существенных для него типах специфичности? Наряду с личным началом человеческое сознание признает соборность сознания. Данные этого сознания имеют коллективный предмет как образы действия, которые существуют вне индивидуального человеческого сознания и, возможно, выражаются во всеобщем. Например, религиозное сознание как общее и общное воплощено в общине как организация веры. Эстетическое сознание имеет форму искусства в качестве организации красоты. Наука как философия также имеет свою форму организации. Форма раскрывается в смысле своего слова, логоса, так как посредством слова форма называется. Форма составляет со-значение слова в качестве субъективно-психологического состояния, которое сопровождает волю субъекта к предмету и к истине. Со-значение меняется исторически.

«Философствовать, значит, готовиться к смерти и умирать» [*Шпет Г.Г. Философские этюды*. М.: Прогресс, 1994. С. 213], - пишет Г.Г. Шпет. И «смерть должна быть разгадана здесь» [Там же. С. 214]. Истинное переживание невыразимо как бесконечное и противоречивое, как бытие, «которое равно «ничто»; ничто не есть; а если и есть, оно непостижимо для человека» [Там же. С. 220], его нельзя сообщить, выразить речью, а значит, и помыслить.

Итак, история философии для Г.Г. Шпета – это поиск представителей исторической интеллигенции, которая, сменяя предыдущую, развивает отечественную философскую мысль. Он лишь вскользь упоминает персоналии в истории русской философии, достойные философского звания. Ломоносов, Давыдов, Соловьев, Кронеберг – вот, пожалуй, и все, кто пытался понять русскую мысль, уловить национальный характер и донести свои философские представления до общественного сознания.

Посредством отрицания, выставления негативного в развитии философии в России Шпет заявляет, что русская философия может быть самобытной и вообще может быть. Сам принцип поиска в истории уже является национальной чертой отечественной философии. Смена исторической реальности как преобразование довлеет над русской философией. Г.Г. Шпет не избежал подобного замысла. «Нет в реальности прежней интеллигенции нашей, но становится теперь новая, нет старой России, но возникает новая!» [*Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения*. М.: Правда, 1989. С. 15] - посредством революции как преобразования, которое создает все принципиально новым.

Воспроизводство истории как бы заканчивается у Шпета. Он полагает, что отечественная философская мысль будет охвачена рефлексией – и это будет время научной философии в России, философии как знания. «Все мироощущения... должны быть принципиально новыми... Революция – итог, который также может быть критерием и завершением, в свете которого вполне допустимо рассмотрение любого... материала нашей истории» [Там же].* Интерпретация здесь настолько абсолютна, насколько она «благодатна». Вся русская философия приоткрывается через репрезентатизм благодати, через введение философской оценки в контекст временного течения жизни народа, в историю. Шпет утверждал, откровение не требует доказательства, значит, благодать через надежду на преобразование «дает силы для подвига непомерного» [*Шпет Г.Г. Философские этюды*. М.: Прогресс, 1994. С. 208] в соединении с предметом познания.

Настоящее у Г.Г. Шпета является настоящим-в-будущем. Настоящее застывает, становится вечным, его как бы накрывает волной будущего. Интерпретация как обнаружение смысла, истолкование становится «выходом в третье измерение» [Там же. С. 39]. Это свойственно всей отечественной

* Могут возразить, что пафос Шпета является всего лишь данью времени. Первая часть очерка была написана в 1922 году. Но хочется верить в искренность Г.Г. Шпета, так как он сам является плотью русской философии со всеми ее устремлениями Быть во всемирной истории.

философской мысли. Сама возможность мыслить объявляется даром вечности. Вопрос рассмотрения не важен, важно то, как это сделано. Философия как наука для отечественной мысли – это раскрытие изменчивости вопроса как раскрытие его контекста. Софийная философия в России, философия мастера – это только такая философия, которая через историю раскрывает сама себя и все сущее бытия не посредством всесторонней предопределенности, а через «...чистое творчество из ничего...», или в широком смысле бытие для себя» [Там же. С. 38].

Вся русская средневековая философия является примером того, как определенные философские вопросы по-разному рассмотрены. Основной для отечественной философской мысли становится историософская проблематика. Размышления о всемирной истории, ее трактовки, версии предназначения российского народа и государства, судьбоносность и провиденциализм играют весомую роль в русской средневековой философии в целом. Примером может служить агиографическая литература. Подобное, на первый взгляд, антропологическое сочинение, повествующее о жизни человека от рождения до кончины, являет собой имитирование жизнью отдельного человека всей мировой истории от Сотворения до Преображения. Всякий раз иное раскрытие истории как ее преломление в жизни отдельного человека, а также государства в целом характеризует средневековую философию. Русская средневековая философия не ставит новых вопросов. Одна и та же проблема иначе раскрывается посредством ее разрешения в ином контексте. Г.Г. Шпет как рефлектирующий, самопознающий субъект русской философии точно выразил эту важнейшую и характерную черту отечественного философского мышления, представляющую собой интерпретирование реальности посредством исторического метода.